

Соч. Е. разных лет частично были утрачены в рукописях («Записки психопата», «Благая весть», «Антология стихов рабочего общежития», «Дмитрий Шостакович», 1972; «роман об алкашах», по словам Е., и др.) либо не предназначались самим писателем для печати, и если были опубликованы, то без малейшего его участия («Василий Розанов глазами эксцентрика», «Моя маленькая Лениниана», «Вальпургиева ночь, или Шаги командора», 1985; и даже знаменитая поэма «Москва–Петушки», 1970).

Некоторые из произведений Е. впервые были опубликованы за рубежом (напр., «Москва–Петушки» в Израиле — в 1973, в Париже — в 1977 и лишь в 1988 в Москве в ж. «Трезвость и культура»).

Лит. наследие Е. публикуется все более полно. Интерес к его творчеству все возрастает. Поэма «Москва–Петушки», наиболее законченное произведение писателя, переведена на мн. яз. (более 20). Она стала одним из ярких худож. документов лит. и общественного безвременья, открыла новые стороны жизни, в трагическом и гротескном сюжете показала обреченность человека, попавшего в западню навязанной ему обесмысленной судьбы. «Москва–Петушки» — это крупнейшее в последние годы явление «другой лит-ры», «неформальной прозы», «культуры андеграунда».

Хотя соч. Е., личность и судьба писателя стали предметом изучения лишь в самое последнее время, нельзя представить лит. процесс 1960–80-х без этой своеобразной фигуры.

Соч.: Оставьте мою душу в покое: Почти все. М., 1995; Москва–Петушки / предисл., текстол. ред. В. С. Муравьева; послесл. А. Величанского. М., 1989; Василий Розанов глазами эксцентрика // Зеркала. М., 1989; Вальпургиева ночь, или Шаги командора: трагедия в 5 актах // Театр. 1989. № 4; Венедикт Ерофеев. Владимир Пятницкий. Альбом. М., 1999; Записки психопата. М., 2000.

Лит.: Зорин А. Опознавательный знак // Театр. 1991. № 9; Венедикт Ерофеев. 26 окт. 1938 – 11 мая 1990. Несколько монологов о Венедикте Ерофееве: Воспоминания родственников и друзей писателя: Н. Ерофеевой, Л. Любчиковой, Г. Ерофеевой, В. Муравьева, А. Леонтовича, О. Седяковой, И. Авдиева; стихи Г. Сапгира; фрагменты из интервью и записных книжек писателя // Театр. 1991. № 9; Бавин С. Самовозрастающий логос Венедикта Ерофеева: библиограф. очерк. М., 1995; Левин Ю. [Комм. к поэме Венедикта Ерофеева «Москва–Петушки»] / предисл. Х. Пфандля. М., 1996; Власов Э. Бессмертная поэма Венедикта Ерофеева «Москва–Петушки». Саппоро, 1998; Богданова О. В. «Москва–Пе-

тушки» В. Ерофеева как пратекст русского постмодернизма. СПб., 2002; Последние дни Венедикта Ерофеева: дневники. М., 2002.

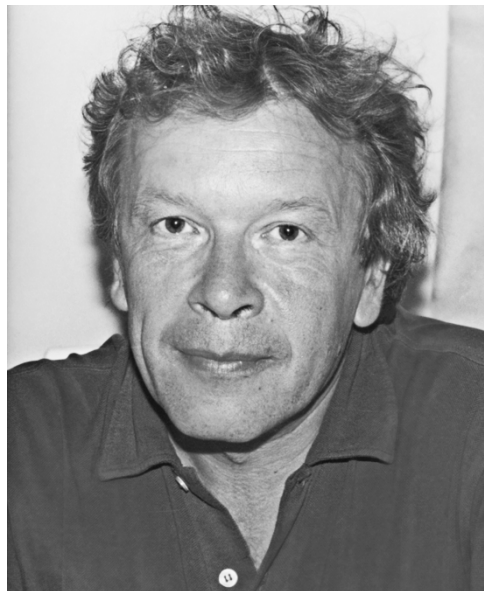
В. М. Акимов

ЕРОФЕЕВ Виктор Владимирович [19.9.1947, Москва] — прозаик, лит. критик.

Родился в семье дипломата, часть детства прошла в Париже. Хорошо владеет французским, английским и польским яз. Окончил филол. ф-т МГУ, аспирантуру Ин-та мировой лит-ры АН СССР, в 1975 защитил канд. дис. «Достоевский и французский экзистенциализм» (издана в США в 1991). Начал публиковать статьи с конца 1960-х, параллельно писал рассказы. За участие и организацию внецензурного альм. «Метрополь» (1979) исключен из СП СССР, где успел пробыть совсем недолго. До периода гласности и «перестройки» на родине не печатался. Восстановлен в СП в 1988.

Худож. творчество развивалось от традиционных форм реализма к грубому («грязному») натурализму и постмодернистской эстетике. В лит-ре занимает место писателя с эпатажной репутацией (кошунственные сюжеты, ненормативная лексика, обращение к «низшему пластику» человеческой жизни). Критики часто называют Е. «enfant terrible» совр. прозы.

После первой изданной в России книги «Тело Анны, или Конец русского авангарда» (1989) писатель опубликовал свою

В. В. Ерофеев

программную статью **«Поминки по советской литературе»** (Лит. газ. 1990. 4 июля), которая вызвала бурную полемику в печати. Е. отказал всей лит-ре советского периода в праве на существование, считая, что «соцреализм — это культурная эманация тоталитаризма, это бешенство лит-ры в замкнутом пространстве, это садомазохический комплекс писателя-атеиста, продающего дьяволу душу, в существовании которого и которой он не верит». По его мнению, три линии развития этой лит-ры — официальная, деревенская и либеральная — оказались в эпоху «перестройки» в глубоком кризисе, прежде всего из-за гипермoralизма. Новая лит-ра, как считает Е., должна быть готова к диалогу с любой культурой «для создания полисемантической, полистилистической структуры с безусловной опорой на опыт русской философии начала XX в., на экзистенциальный опыт мирового искусства, на философско-антропологические открытия XX в., оставшиеся за бортом советской культуры, на адаптацию к ситуации свободного самовыражения и отказ от спекулятивной публицистичности». В русле этих принципов сам Е. и пытается организовать эстетическое пространство своих текстов.

В сб. **«Попугайчик»** (1991), **«Жизнь с идиотом»** (1991) Е. экспериментирует с эротической темой. Особенно показателен в этом плане рассказ **«Жизнь с идиотом»**, сюжет которого в то время выглядел и эпатажным, и кощунственным. Семья в качестве наказания берет себе в дом ненормального человека (идиота), внешне напоминающего В. Ленина. Он вступает в интимные отношения сначала с женой, потом с хозяином, а потом убивает жену и расчленяет ее труп в ванной. Писатель создает сюрреалистическую, галлюциногенную реальность. Е. сознательно обыгрывает «запретные» темы: склонность человека к определенным извращениям, садизму, ненормативному поведению, которые в его интерпретации выглядят отвратительно и натуралистично. Однако интерпретация рассказа может легко сводиться к поиску ответов на вечные вопросы — противостоянию милосердия и жестокости, зла и добра, красоты и истины, а образ идиота (олицетворение зла) — своеобразная метафора подавления обществом подсознательных инстинктов, личности человека. По наблюдению М. Липовецкого, «злоба мира — вот важнейший мотив прозы писателя», и «в этом состоянии действительно сомнительной становится роль борцов и героев, которые зачастую лишь умоляют злобу мира» (Лит. обозрение. 1990.

№ 6. С. 65). Однако, как считал академик А. Панченко, психологическая подоплека зла во все времена одна и та же: «страх перед жизнью, сознание собственной неполноценности, зависть к другим — к их мужеству, дарованиям, добродетели и просто душевному равновесию, „благоволению“». (Гумилев Л., Панченко А. Чтобы свеча не погасла. Л., 1990. С. 40). По рассказу Е. **«Жизнь с идиотом»** А. Шнитке написал оперу, премьерой которой состоялась в Амстердаме в 1992, реж. А. Рогожин снял фильм (1993).

Роман **«Русская красавица»** (1990, отд. изд. 1992) — наиболее известное произведение писателя. Он посвящен исследованию жизни совр. Настасьи Филипповны, как написано в аннотации к книге. Однако с героиней Достоевского ее роднит только изломанная судьба. Провинциальная красавица приезжает в Москву, чтобы «спасти мир», отдавшись дьяволу. Ее сексуальные приключения, рассказанные подробно с большим количеством неприличных деталей, и составляют сюжет книги. Один из критиков заявил, что в этом романе «ассорти на все вкусы»: «диссидентский ракурс» — свободная любовь как бунт против тоталитаризма; политический аспект — любовь и иностр. подданные; тема поруганной русской породы и красоты; героическая проститутка (Ирина Тараканова) как спасительница нации; тема покаяния грешницы, ищущей пути к Богу блудницы и т. д. «В итоге роман как будто превращается в обвинительный акт времени, обществу, которое изуродовало интимную жизнь людей» (Знамя. 1992. № 6. С. 226) Е. Добренко обратил внимание на важное свойство текстов Е.: «Ерофеевская проза — сплошная эстетическая и этическая провокация» через «обнажение скрытых, табуированных зон сознания, через эпатаж, шок» (Октябрь. 1990. № 8. С. 199). Г. Муриков отметил в прозе Е. «назойливое педальирование своего избранничества, сектантской отъединенности от прочих людей... Дескать, надо просто прекратить искать скрытый смысл вещей, брать, что называется, голыми руками — так, как она видится, устроить „всенародный бобок“, т. е. как бы посмертное разделение и оголение, как в знаменитом рассказе Достоевского» (Север. 1991. № 8. С. 145). Проза Е. рассчитана на массовое сознание и построена по определенным психологическим схемам, стилистическим и культурологическим клише. Этот роман Е. переведен на 27 яз., тираж только в Германии, который, по собственному признанию писателя, составил 150 тыс. экземпляров, весь был продан.

В 1993 опубликовано **«Избранное, или Карманный апокалипсис»**. Романы **«Страшный суд»** (1995) и **«Мужчины»** (1997) по-своему интерпретируют ту же эротическую тему, но уже с мужской точки зрения. В одном из интервью Е. таким образом охарактеризовал свой роман «Страшный суд»: «Это как бы роман-резюме нашего уходящего века, но подан он не через какие-то исторические реалии и персонажи, а через метафору, не скрою — достаточно шокирующую». Там же Е. признавался, что ведет «диалог с романом как жанром» (Лит. газ. 1995. 1 февр.). Героем этого произведения стал персонаж с неблагозвучной фамилией Сисин, который является автором романа «В. П.». Расшифровка этого названия, по мнению критика Т. Сотниковой, значит: «век...хм, да того самого органа, который в „Страшном суде“ упомянут (по-ерофеевски, без сокращений) бесчисленное количество раз, и классифицирован, и обруган, и воспет». (Знамя. 1997. № 5. С. 214). Однако определение века, «резюме» вычленив из романа, густо населенного персонажами, погрязшими в мерзости питающей их житейской почвы, кощунстве, ругательствах, потоке физиологических подробностей и пр., не удастся. Либо потому, что это не входило в замысел писателя, мистифицирующего читателя, либо просто потому, что его там нет. Любопытно, что все эти «красоты» века приправлены у Е. какой-то странной философичностью: то банальными разговорами о вечности, то просто ее явлением главному герою, то размышлениями о новом методе описания мира («квадрат оппозиций») и т. д. и т. п. Постмодернистский «стеб» по поводу тех вечных вопросов, о которых размышляла не только классика, но и большие художники XX в. (Сисин Иисуса Христа называет Папашей), не раскрывает авторскую мысль, которая предстает в бесконечном круговороте и мерцании противоположных оттенков.

В 1998 выходит в свет новый роман Е. **«Пять рек жизни»**, который включает в себя 5 «сказочных» путешествий по великим рекам разных культур и континентов: Волга, Рейн, Ганг, Миссисипи, Нигер. В этом тексте прихотливо переплелись разные времена и реалии, цитаты и лозунги, размышления о пустом и низком, высоком и вечном, сдобренные не иссякающим потоком все того же фекально-физиологического вещества. Замысел этого произведения Е. сформулировал следующим образом: «У каждого есть своя плетая река. Не спи, соберись, не трать время, ищи, дыши, свирищи, никто тебе не поможет,

сам найди — не пожалеешь. Найди ее и разомкни цепь: сон-жизнь-слово-смерть-любовь... Если замысел угадан правильно, то вот оно — золотое руно».

Литературоведческие исследования, эссе, критические заметки собраны автором в книге **«В лабиринте проклятых вопросов»** (1990, 1996), которые далеки от академических исследований. Тем не менее Е. выглядит уже другим писателем, которому подвластны тонкости литературоведческого анализа, глубина и оригинальность наблюдений, несмотря на резкость и эпатажность некоторых формулировок. Так, к примеру, в небольшом эссе об А. Платонове (**«С кем спала счастливая Москва?»**) автор резюмировал: «В сущности, он не справился ни с одной задачей, которая делает писателя писателем. Он не произвел ни идей, ни идеалов. У него, как в микеланджеловской предсмертной „Пиете“, образ нелезает на образ, все смешалось в какой-то мраморной каше».

Др. персонажами этой книги стали русские и французские писатели: Достоевский, Толстой, Розанов, Шестов, Сологуб, любимый Е. Гоголь, Чехов, Добычин, Булгаков, Набоков, а также Мопассан, Флобер, Селин, Пруст, Маркиз де Сад и др.

Е. часто выступает сост. антологий совр. лит-ры, включая в свои книги произведения известных и малоизвестных постмодернистов («Русские цветы зла», 1997; «Энциклопедия русской души», 1999, и др.)

Произведения Е. вызывают сложное отношение и у критиков, и у читателей, о них много спорят, их много ругают, но, как это ни странно, их читают. Е. часто выступает в прессе, охотно дает интервью, принимает участие в разных лит. и политических акциях, выступает с лекциями в ун-тах Европы и США.

Соч.: СС: в 3 т. М., 1994–96; Тело Анны, или Конец русского авангарда. М., 1989; В лабиринте проклятых вопросов. М., 1990. 2-е изд. 1996; Попугайчик. М., 1991, Жизнь с идиотом. М., 1991; Russkaja красавица. М., 1992; Избранное, или Карманный апокалипсис. М., 1995; Мужчины. М., 1997; Пять рек жизни. М., 1998; Бог Х: рассказы о любви. М., 2001; Хороший Сталин. М., 2004.

Лит.: Добренко Е. Не поддадимся на провокацию! // Октябрь. 1990. № 8; Липовецкий М. Мир как текст // Лит. обозрение. 1990. № 6; Дарк О. Мир может быть любой // Дружба народов. 1990. № 6; Муриков Г. ...Без слез, без жизни, без любви // Север. 1991. № 8; Тихомирова Е. Эрос из подполья. Секс-бестселлеры 90-х и русская лит. традиция // Знамя. 1992. № 6; Новиков В. Все-таки писатель! Сбылась мечта Виктора Ерофеева // Общая газ. 1995. 16–22 февр.; Сердюченко В. Дерусификация // Нева. 1997. № 4; Сотнико-

ва Т. Цветок несчастья: Весь Ерофеев в трех томах // Знамя. 1997. № 5; Фомина В. Метафизический Ерофеев и как с ним бороться // Дружба народов. 1997. № 7; Касаткина Т. Искусственный венок: [рец. на книгу «Русские цветы зла»] // Новый мир. 1998. № 1; Эссеистика Виктора Ерофеева как форма поведения писателя-звезды // Филол. штудии. Иваново. 1999. Вып. 3; Славникова О. Шествие голого короля // Октябрь. 2000. № 5.

Т. М. Вахитова

ЕСЕНИН Сергей Александрович [21.9(3.10). 1895, с. Константиново Кузьминской волости Рязанского у. Рязанской губ.— 28.12.1925, Ленинград; похоронен в Москве на Ваганьковском кладбище] — поэт.

Из крестьян. Рос и воспитывался в семье деда по матери, редко общаясь с жившими врозь родителями. Ранние духовные впечатления оформляются в атмосфере глубокого народного поэтического православия: «Часто собирались у нас дома слепцы, странствующие по селам, пели духовные стихи о прекрасном рае, о Лазаре, о Миколле и о женихе, светлом госте из града неведомого. <...> Дедушка пел мне песни старые, такие тягучие, заунывные. По субботам и воскресным дням он рассказывал мне Библию и священную историю» («Автобиография», 1924). В то же время воспитывала поэта и улица, давая выход озорству, неуравновешенности его характера: «Среди мальчишек всегда был коноводом и большим драчуном и ходил всегда в царапинах» («О себе», 1925). Позднее Е. высказывался о противоречивости уже своих детских чувств и настроений: «В детстве у меня были очень резкие переходы: то полоса молитвенная, то необычайного озорства, вплоть до желания кощунствовать и богохульничать» (Розанов И. Есенин о себе и других. М., 1926).

Учится в Константиновском земском 4-годичном училище (1904–09), затем в Спас-Клепиковской закрытой церковно-учительской школе (1909–12) и на историко-философском отделении Московского городского Народного ун-та им. А. Л. Шанявского (1913–14, не окончил).

Первые поэтические опыты пробуждаются рано и прежде всего под влиянием народной и религиозно-духовной поэзии: «Стихи начал слагать рано. Толчки давала бабка. Она рассказывала сказки. Некоторые сказки с плохими концами мне не нравились, и я их переделывал на свой лад» («Автобиография»); «Влияние на мое творчество в самом начале имели деревенские частушки» (Там же). Некоторое время в юности он сочинял,

С. А. Есенин

по собственному признанию, «только духовные стихи» и лишь по просьбе школьных товарищей решил «попробовать себя в стихах другого рода». Подготовленный летом 1912 сб. юношеских стихов «**Больные думы**» остался при жизни поэта неопубликованным.

С авг. 1912 живет в Москве, работая сначала в лавке у купца (где и отец — приказчиком), а затем в типографии И. Д. Сытина. Здесь в конце 1913 сближается с Суриковским лит.-музыкальным кружком и, став вскоре его членом, избирается в редакционную комиссию. С 1914 публикует стихи в детских ж. «Мирок», «Проталинка», «Доброе утро». Неудовлетворенный своим «московским» вхождением в лит-ру, приезжает 9 марта 1915 в Петроград. Здесь почти сразу же получает высокую оценку со стороны поэтов столичной элиты: А. Блока («Стихи свежие, чистые, голосистые» // Записные книжки. М., 1965. С. 567); З. Гиппиус, обнаружившей в его стихах «какую-то „сказанность“ слов, слитость звука и значения» (Голос жизни. 1915. № 17); С. Городецкого, высказывавшегося позже, что «факт появления Есенина был осуществлением долгожданного чуда», что с первых же строк Е. стало ясно, «какая радость пришла в русскую поэзию» (О Сергее Есенине // Новый мир. 1926. № 2. С. 138). Е. становится sensationным открытием — как «дитя народа», как живой голос Руси. В столичных лит. салонах и меценатских гостиных